

Рецепт идеального лета

© Ольга Заповнежанка ©

Только для девчонок

Ольга Заровнятных
Рецепт идеального лета

«ЭКСМО»

2014

Заровнятных О.

Рецепт идеального лета / О. Заровнятных — «Эксмо»,
2014 — (Только для девчонок)

Лето, лагерь и мальчишки – идеальные слагаемые отличных каникул. Но родители Ольги все испортили, отправив девочку не в обычный, а в трудовой лагерь. Скучота страшная. Собирай себе сливы да арбузы под палящим солнцем. Ничего хорошего впереди не ждет. Правда, у лета припасены свои сюрпризы, о которых Ольга даже и не подозревала...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Заровнятных

Рецепт идеального лета

© Заровнятных О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Это был самый что ни на есть обычный день. По крайней мере, не было ничего необычного в том, как он начался.

Я проснулась от барабаниющей в дверь нашего девичьего корпуса вожатой.

– Девочки, подъем! Одеваемся, умываемся, идем завтракать.

Я оглянулась заспанными глазами: оказывается, я проснулась одной из последних. Большинство девчонок уже сидели на кроватях, шушукались о чем-то и приглушенно хихикали, явно чего-то дожидаясь.

Заметив, что я проснулась, Наташа Загваздина, основная зачинщица всяких пакостей, чья кровать располагалась рядом с моей, округлив карие глаза, прижала палец к губам:

– Тс-с-с!

Я недоуменно посмотрела на нее, пытаюсь спросонья сообразить, что она опять затеяла. Долго гадать мне не пришлось: со стоящей напротив меня кровати раздалось журчание, которое дополнилось звуком капающей, а затем и стекающей струйкой на пол воды.

Комната зашлась смехом. Девочка напротив меня вяло проснулась, приподняла помятое лицо, посмотрела на нас невидящим взглядом, потом ощупала себя под легким одеялом, – все мы видели, как медленно и неуверенно передвигались ее руки, словно она внезапно ослепла.

Девочка села. Неуклюжая, полная, спустила ноги с кровати, ссутулилась и тихо заплакала, глядя в пол. Остальные девчонки, как будто ничего не случилось, поднялись и, оживленно болтая, начали одеваться. Смотреть на плачущую было неуютно, я отвернулась. Я даже не знала, как ее звали, хотя мы жили в одной комнате уже несколько дней.

– А что случилось? – тихо спросила я Наташу.

– Я в одном фильме видела, как спящему человеку опустили руку в банку с водой и он во сне обоссался, – озорно блестя глазами, поведала мне Наташа и кивнула головой на кровать плачущей.

Я присмотрелась: на тумбочке рядом с ее кроватью стояла опрокинутая банка, вода все еще по каплям стекала на пол.

– Нельзя же так, – прошептала я осуждающе.

– Ой, да ладно! – воскликнула Наташа. – Подумаешь!

Из крана на улице шла сильно хлорированная вода. Нам с самого начала объяснили, что это для нашей же пользы, что хлорка обеззараживает воду. Однако даже чтобы просто помыть руки (про умывание лица и чистку зубов вообще молчу), приходилось делать над собой усилие. Лично у меня, с детства ненавидящей манную кашу, при виде белой жидкости, вытекающей из крана, возникали ассоциации именно с ней.

– Ребенок не ест манную кашу, ну мама ему и говорит: «Если не будешь есть кашу, я позову Бабу-ягу!» – рассказывал анекдот Костя – высокий худощавый парень в веснушках, не вынимая зубной щетки изо рта. – «Думаешь, Баба-яга будет ее есть?» – спрашивает ребенок. Тогда мама говорит страшным голосом: «Тогда я позову Лену...»

Собравшиеся у крана ребята прыснули, у некоторых по подбородкам потекли белые струйки зубной пасты, словно выпавшие изо рта макаронины. Они все оглянулись на полную девушку, над которой утром подшутила Наташка. Так, значит, ее зовут Лена, догадалась я, оглядываясь на нее. Она уже закончила умываться и, закинув на плечо полотенце, пошла прочь, ссутулившись.

После завтрака нас отправили исполнять трудовую повинность – сбор урожая слив. Девочки собирали с нижних ветвей, мальчишкам приходилось собирать с верхних, приставляя к деревьям лестницы. Мальчишки, конечно, куда как с большей радостью собирали бы сливы, карабкаясь на деревья по ветвям, но это было строго-настрого запрещено, и не столько из-за

того, что кто-то из мальчишек мог по неосторожности свалиться с дерева, сколько из-за опасения руководства нашего трудового лагеря, что сломаются сами ветки деревьев.

На сбор слив нас водили регулярно, так что за десять дней, проведенных в трудовом лагере, мы уже успели их возненавидеть. Кое-кто, думаю, даже на всю жизнь: в первый же день некоторые из ребят, падких на дармовое угощение, переели этих фруктов (а особо падкие так и вообще ели их немытыми, снятыми прямо с деревьев) и до сих пор мучились от расстройства пищеварения в медкорпусе.

В общем, да, это был самый что ни на есть обычный день. Мы собирали сливы, сгруппировавшись человека по три-четыре вокруг каждого дерева. Некоторые сливы были настолько спелыми, что их кожица трескалась, едва я снимала их с ветки, прямо у меня в руках. Пальцы очень скоро стали липкими, я украдкой вытирала их о спортивные штаны. Ноги то и дело наступали на упавшие с деревьев переспевшие фрукты, по ощущениям они походили на медузы. Или, что еще противнее, на сопли.

Наташка, проходя мимо дерева, на которое назначили меня, Лену и еще одну девочку, – кажется, ее звали Вика, – приостановилась и провела по его стволу пальцем. Потом подошла ко мне и вполголоса сообщила:

– У меня отец так козявки за ковер прятал. Мама как-то отогнула угол ковра – а он весь в козявках! – Наташка подмигнула мне, широко улыбнулась, показав выступающие вперед крупные зубы, и отошла к Косте и Денису – скромному мальчишке младше нас на год или два – сыну одной из вожатых.

Я продолжала собирать сливы, что называется – на автомате, стараясь не обращать внимания на пекло, на липкие руки. От неожиданного тычка в спину я вздрогнула, оглянулась – рядом никого не было. По правую руку от меня, пыхтя, тянулась к сливам над самой ее головой Лена. Легкий ветерок – редкий гость в этих краях – донес до меня кислый запах ее пота. Лена была в белой футболке, под мышками темнели сырые пятна.

Я отодвинулась влево. Не то чтобы я была брезгливой, но в условиях непрерывно пекущего солнца и ветра, приносящего не свежесть, а все тот же горячий воздух, дополнительные тяготы в виде неприятного запаха были для меня непосильной ношей.

– Ай! – вскрикнула Вика – симпатичная девочка с мелкими кудряшками светлых волос. Она с подозрением посмотрела на меня, вздернув острый носик и потирая рукой спину. Видимо, прочитав на моем лице недоумение, сообразила, что угроза исходит не от меня, и мы с ней одновременно завертели головами.

Все было как прежде. Как обычно. Все выполняли свои трудовые обязанности, навязанные нам уставом трудового лагеря. Но – с соизволения наших родителей. Ведь это именно они посчитали величайшим удобством для себя и благом для нас отправить нас сюда с воспитательными целями – организации нашего досуга во время летних каникул. Иными словами, родители, остерегаясь, что мы разленимся к первому сентября, ввели в наш привычный распорядок дня не просто режим, а режим с элементами трудовой повинности.

С соседнего сливового дерева фрукты хмуро и дотошно – так же, как Лена, – собирали другие девчонки. Я даже в какой-то момент позавидовала их целеустремленности и преданности своему делу. Они работали слаженно, словно повинуюсь какой-то единой внутренней команде: на счет раз поднимали руку, на два – срывали сливы с веток, на три – опускали их в корзинки.

Я оглянулась на Вику, ожидая увидеть в ее глазах понимание и сопереживание соседней группе. А может быть, даже и восхищение их работой, но Вика недовольно рассматривала темно-синий, смазанный отпечаток на спине, по-кошачьи изогнувшись. Я, последовав ее примеру, изогнулась, насколько могла, стараясь увидеть собственную спину: и на моей футболке, ближе к талии, обнаружила похожий след.

– Дрян, – отчетливо сказала Лена, я вздрогнула, обернулась на нее. Но ее слова не относились ко мне, она прищуренно смотрела совсем в другую сторону. Я проследила за направлением ее озлобленного взгляда: там, куда она смотрела, корчились от смеха Наташка с ребятами – это именно они обстреляли нас сливами. Заметив наши взгляды, они подавили смех, хоть и не особо старательно, и занялись прерванным сбором слив.

До обеда мы работали, все послеобеденное время, вплоть до самого вечера, принадлежало только нам. Вожатые в лагере не отличались изобретательностью. Самое большее, на что их хватало, – это на то, чтобы следить за нашей дисциплиной во время сбора урожая, да и это они проделывали спустя рукава. Так что с обеда до самого вечера мальчишки играли в футбол, девочки флиртовали с мальчиками, а вожатые... бог его знает, чем они вообще занимались, эти наши вожатые.

Не кривя душой, скажу за большинство из нас: нам осточертел этот лагерь с первых же дней. И дело не в том, что мы были предоставлены большую часть времени самим себе, что нас, скажем так, не развлекали мероприятиями, играми и конкурсами, как это вообще-то принято в детских лагерях. Проблема в том, что всем нам было по двенадцать-тринадцать лет, мы уже разучились играть в игрушки, нас притягивали взрослые игры.

Но, как и во взрослой жизни, главные роли в этих играх доставались либо красивым и смелым, либо подлым и хитрым, – как вам будет угодно, – остальные игроки вынуждены были проигрывать, оставаться безвольными зрителями на скамейках для запасных, а иногда и вообще – всего лишь болельщиками.

В этот день моей скамейкой был трухлявый пенек на границе между футбольным полем и сливовым садом. В Краснодарском крае после обеда солнце печет нещадно, сами понимаете, и, разумеется, нам еще по приезду была выдана инструкция не расставаться с головными уборами, но кого это волновало? Уж точно не меня – щуплую веснушчатую скромнягу. Единственным средством для меня привлечь к себе хоть чей-то взгляд было распустить густые длинные волосы. Поэтому я сидела без кепки, каждую следующую минуту все более рискуя раскиснуть от солнца, как опавшая на землю переспелая слива.

В общем, я сидела на пне, время от времени срываясь с него, чтобы принести мальчишкам мяч, если он вылетал за пределы поля, – надеясь таким образом привлечь на себя их внимание и заслужить расположение. Когда в очередной раз гоняла за мячом, подав его мальчишкам, я оступилась и села мимо пня, чем вызвала общий смех. Впрочем, даже таким образом завоеванное на минуту внимание было тут же утрачено – мальчишки вновь втянулись в игру, а я отвернулась в противоположную от них сторону, скрывая пылающие то ли от жары, то ли от стыда щеки.

И вот тут-то я и увидела ее – украдкой вынырнувшую из чащи сливовых деревьев Наташку. Она была взволнована, щеки горели не меньше, чем у меня, хотя и вряд ли по той же причине. Наташка короткими перебежками, как бывалый шпион, передвигалась по направлению к нашему корпусу. Вскоре из-за тех же самых деревьев, плутовато озираясь, показался смуглый высокий мальчишка. Он прямоком пошел на футбольное поле, где, собрав вокруг себя юных футболистов, тут же позабывших про мяч, начал рассказывать им что-то, кивая в сторону сливовой рощи и возбужденно жестикулируя.

Я словно являлась участницей массового подглядывания в замочную скважину. Мальчишки взбудораженной стайкой отправились в сторону от футбольного поля. Я пошла к нашему корпусу следом за Наташей. Честно говоря, я ожидала увидеть ее ревушей в подушку или что-то в этом роде, но столкнулась с тем же, что видела на футбольном поле: Наташка в корпусе, окруженная девчонками, оживленно повествовала о том, каково это на самом деле – целоваться по-взрослому.

Обняв саму себя крепко руками, так что они сошлись на спине, Наташка старательно вытягивала губы и закрывала глаза. Девчонки смеялись, глядя на это кривляние. Однако когда

Наташка поворачивалась к нам спиной, ее заведенные за спину и шарящие по ней руки словно принадлежали кому-то другому, словно ее и в самом деле вот прямо сейчас, при нас, кто-то обнимал. Все зачарованно затихли. И, да, мы слегка завидовали...

Все оставшееся до вечера время я прослонялась между корпусами, то и дело натываясь на томящихся от безделья ребят. Вожатые за одним из корпусов установили стол для настольного тенниса, и к нему немедленно образовалась раздраженно гудящая очередь. Примерно такая же очередь тянулась к карусели, называемой «гигантскими шагами».

Несмотря на приближающуюся ночь, воздух по-прежнему был душным, давящим. В небе вошла полная луна, среди вечернего зноя она казалась далеким замерзшим озером. Ледяным озером. С вмержшими в него рыбами. Я зачарованно разглядывала их силуэты.

Вожатые на скорую руку организовали дискотеку. По большому счету, наверное, для себя, потому что кое-кто из ребят уже отправился спать, другие глазели из сумрака под раскидистыми ветками деревьев на танцующих медленные танцы вожатых. Когда вожатые для разнообразия включали ритмичную музыку, на небольшой пятюточке танцплощадки выскакивали наиболее смелые и раскованные из нас, словно на клумбе в один момент распускались экзотические цветы.

Одним из таких цветов, разумеется, была и Наташка. Она безо всякого стеснения дрыгала худыми ногами в самом центре танцующих, я с завистью наблюдала за нею из-за можжевельника, бессознательно теребя и срывая его мягкие игловидные листья.

Неожиданно произошла заминка: в круг танцующих ворвался Денис. Со стороны было видно лишь, как он тыкал пучком помятого букета в грудь Наташке и что-то говорил ей взахлеб. Я подошла поближе. Денис сбивчиво признавался Наташке в любви на глазах у всех, а та рассеянно улыбалась ему в лицо и оглядывалась, словно ища поддержку.

К толпе танцующих подбежала вожатая – его мать, и в этот момент Денис разревелся. Вожатая бережно взяла его за руку и увела в сторону своего корпуса.

– Лунатик! – пронеслось среди ребят.

– Да ну, – улыбалась Наташка, сверкая глазами.

– Да точно! – отозвался рябой угловатый мальчишка. – Я сам видел, как он спать пошел.

– Не понимал, что делает. Это он во сне, – отмахнулись мальчишки и рванули в сторону туалетов обсудить событие.

– А что он сказал? – обступили Наташку девчонки.

– Что любит, – вскинула голову Наташка и тут же добавила: – Да ну его, маленький такой.

Дискотека рассосалась. Недовольные вожатые нехотя уносили аппаратуру, все расходились по корпусам. Наташка отшвырнула куда-то в темень помятый букетик и побрела прочь от корпусов, в сторону футбольного поля. Я безотчетно пошла за ней. Не то чтобы мне было любопытно, куда это ее понесло. Мне кажется, подсознательно я хотела быть похожей на нее – такой же смелой и влекущей.

Так мы и шли на расстоянии пары метров среди ночных стрекочущих звуков и таинственных шорохов, пока не наткнулись на оцепенело стоящую рядом с полем Лену.

– Ты чего тут? – громко спросила Наташа.

Лена, не оборачиваясь на нас, указала рукой в сторону поля и прошептала:

– Инопланетянин...

Мы посмотрели в указанном направлении: со стороны сливовой рощи прямо на нас двигалась высокая фигура. В темноте были видны лишь длинные худые ноги и руки и непропорционально большая по отношению к туловищу голова. Мы смотрели на приближающуюся фигуру, пооткрывав в изумлении рты, пока, наконец, Наташка не крикнула истерично:

– Бежим! – Она схватила нас за руки и потащила в сторону нашего корпуса. Влетев в него, мы, не сговариваясь, быстро разделись и повалились в свои кровати. Обычно болтливая

Наташка на все расспросы девчонок только огрызалась, отчего они пришли в не меньшее изумление, чем мы – от столкновения с чем-то запредельным.

Наутро я проснулась с мокрой простыней. И, думаю, не я одна.

Глава 2

Прошло два дня, все вошло в обычную колею. Вечером из корпуса я старалась не выходить. А если и выходила, то держалась поближе к нему, опасливо оглядываясь изредка в сторону футбольного поля. Но инопланетянин, или что бы там вместо него ни было, больше не появлялся.

До конца смены было еще ого-го сколько. И это усиливало тоску по дому. Казалось, время посмеивалось над нами и растягивалось тем сильнее, чем меньше нам оставалось пробыть в этом лагере.

Когда мы собирали урожай, я работала с невероятным остервенением, так было проще забыть, где я, зачем я здесь и, главное, сколько еще мне придется все это терпеть. Мучительнее всего было пережить именно послеобеденный отдых. Хотелось просто лечь и уснуть до следующего дня, чтобы таким образом все ускорить.

Нас уже водили собирать кукурузу. На вкус она была нежной, сладкой, сок, похожий на молоко, так и брызгал из светло-желтых зернышек. Однако то ли из-за того, что нам уже все приелось, то ли из-за великой тоски по дому вряд ли кто-то из нас осилил больше одного-двух початков. Куда занятнее было представлять, что мы прячемся в ее зарослях, закрывающих с головой, и нас никто-никто не может найти.

В этот день нас повели на сбор арбузов. Точнее – повезли на автобусе. Мы, разумеется, губу раскатали: думали, нам позволят взять с собой по арбузу. Ехали впервые за много дней как на праздник. Работа была очень тяжелая – нужно было таскать арбузы в грузовик. Принимающий их на борту рабочий был крайне сосредоточен, точно не арбузы складывал, а младенцев.

Многие из нас, понятное дело, мухлевали и собирали арбузы неспешно рядом с грузовиком. Мне и самой казалось, что не детское это дело, такие тяжести носить. Но для меня, повторюсь, главное было – забыть, поэтому я, как муравей-трудоголик, проделывала свою работу на автомате. Раз – отойти подальше, чтобы нести было труднее, два – поднять арбуз, три – донести до грузовика.

В очередной раз, когда я отошла в поисках моего, большого дальнего арбуза, неожиданно услышала рядом с собой:

– Мне одному кажется или они чем-то на огурцы похожи? – Я подняла голову, заслонила глаза ладонью от солнца: рядом со мной брел Денис. Он вскинул голову и робко мне улыбнулся.

– А это и есть огурцы, – буркнула Лена по правую руку от меня. – В переводе с персидского это «олиный огурец».

– Он же неспелый! – кивнул Денис на выбранный ею арбузик: аккуратненький, с матовой коркой и ярко-зеленым хвостиком.

– Зато в нем нитратов меньше, – тоном знатока заявила Лена и направилась с ним к грузовику.

Денис пожал плечами, выбрал себе арбуз раза в два больше и пошел вслед за ней. Я подняла такой же большой арбуз, как взял Денис, но, распрямившись, тут же села на корточки, едва не выронив арбуз из рук: у меня резко потемнело в глазах. Когда я вновь выпрямилась, по всему телу словно огонек пробежал. Ну или электрический ток. Я даже испугалась на секунду: а вдруг все же схлопотала солнечный удар?..

Денис и Лена возвращались от грузовика. Он широкими мужскими шагами перешагивал через рытвины, а она семенила, неловко коротко взмахивая руками всякий раз, как запинаясь об гибкие, распластанные по земле зеленые стебли арбузов. Они старались держаться в едва заметном отдалении друг от друга и шли, опустив глаза, словно каждый из них был сам по себе, но я даже на расстоянии слышала доносившийся от них разговор.

– Арбузы помещали в гробницы фараонов, – повествовала Лена, – чтобы им было там, чем питаться, в их загробном мире.

– Гм, – задумчиво заметил Денис, – значит, мы сейчас как бы идем по древнему фараоновскому кладбищу?..

– Да, в этом смысле собирать сливу было намного приятнее, – хмыкнула Лена. – В Древнем Китае цветок сливы с пятью лепестками символизировал пять богов счастья, поэтому невесты перед свадьбой собирали именно сливы... – Лена осеклась, заметив мой взгляд, и настоженно оглянулась, не смотрит ли в ее сторону кто-то еще.

Они приблизились ко мне и остановились.

– Привал? – улыбнулся Денис.

– Да не, что-то голова закружилась, – призналась я.

Денис тут же с готовностью присел рядом со мной на арбуз, а Лена принялась выбирать следующую ягоду. Ну или ослиный огурец, – как вам будет угодно.

– А кукуруза? – спросила я.

– Что кукуруза? – недоуменно посмотрел на меня Денис, но я спрашивала у Лены, которая еще не успела отойти.

– Кукурузу в древности тоже использовали в обрядах? – поинтересовалась я.

– А как же, – откликнулась Лена, довольная, что я оценила ее познания. – Ацтеки вообще считали, что человек был сотворен из кукурузы!

– Ничего себе, – опешила я и больше не нашла, что добавить. Появилось ощущение, что нас окружают призраки древних. Возле каждого арбуза замер оголодавший призрак фараона, в чаще сливовых деревьев кружились призрачные китайские невесты, а когда мы собирали кукурузу, искренне представляя, что мы одни, – на самом деле мы были окружены плотным кольцом ацтеков!

Тут поневоле задумаешься: ради чего люди мучительно верят в чудовищ, скрывающихся на дне океанов, в монстров, затаившихся в глубине неисследованных пещер, или в зеленых человечков, обитающих в просторах космоса, если все, что нас окружает, хранит в себе не меньше тайн и загадок.

– По-моему, у меня солнечный удар, – вполголоса произнесла я.

– Голова кружится? – оживился Денис.

– Симптомы солнечного удара – головная боль, сухость во рту, слабость, вялость, усталость, – заученно, будто отвечала урок, перечислила Лена, затем встала, взяла арбуз и пошла к грузовику, не оглядываясь на нас.

– Собираемся, собираемся, все в автобус! – вожатая с ярко-красной, как арбузная мякоть, косынкой на голове, захлопала в ладоши, привлекая всеобщее внимание. Мы подхватили по арбузу и пошли.

Но не тут-то было. Когда мы садились в автобус, все арбузы у нас изъяли. Мы возвращались в лагерь, трясясь на ухабах, хмурые, обиженные. Вожатая, стянув с головы косынку и вытирая ею вспотевшее лицо, терпеливо разъяснила нам, как, наверное, разъясняла каждой смене до и после нас, что арбузы имеют свойства накапливать нитраты, поэтому в наших же интересах не злоупотреблять этой ягодой.

– Злоупотребил с вами, как же... – вполголоса пробормотал Костик и громко спросил: – Если арбузы такие вредные, зачем мы их собирали?

– Да, – поддержали его остальные, – куда их сейчас повезли? Уничтожить?

– Арбузы очень полезные, – перекрыла хор возмущенных голосов вожатая. – Но переест их можно до тошноты и даже расстройства желудка.

– Да нам бы хоть по кусочку, – хнычущим голосом проговорил Костик. – А мы тут как рабы на плантации, хны...

– По кусочку и получите, – веско пообещала вожатая. – После обеда.

– А после ужина? – мгновенно среагировал Костик.
– А после ужина – спать, – отшутилась вожатая.
– Щедрые такие, – осклабился Костик, отвернувшись от вожатой. – Меня от их щедрости больше тошнит, чем от переедания.

Наконец мы въехали с открытого пространства черноземных полей в тенистую аллею. Это были грецкие орехи – серые деревья с раскидистыми кронами. Правда, сами грецкие орехи были еще неспелые – мы уже делали вылазку как-то вечером и вернулись в лагерь с коричневыми ладонями. И тут нам не подфартило.

Съев после ужина по жалкому ломтику арбуза, мы разбрелись по лагерю. Вот что называется – по усам текло, а в рот не попало! Было обидно, обиднее некуда, чего уж там. Если сперва мы хотя бы получали бонусы в виде сливы – причем в каком угодно количестве, лишь бы была вымытая, то тут, единственный раз будучи вывезены на поле с невообразимым количеством арбузов, за всю нашу работу мы получили по жалкому кусочку.

И было действительно непонятно – ну что им, жалко, что ли?.. Ведь наверняка никто даже и не знал, сколько там этих арбузов на поле. Арбузом больше – арбузом меньше, никто бы даже и не заметил! Зато мы были бы просто счастливы. В самом деле, ведь не в солдаты нас готовили, чтобы муштровывать подобными запретами. Вряд ли наши родители представляли, что на целых три недели сдали нас в рабство. Да, рабство, иначе и не назовешь...

Ноги сами привели меня к футбольному полю. Я привычно уселась на трухлявый пенек на его границе и стала бездумно смотреть на пустое поле. В этот день даже мальчишки не гоняли по нему мяч. Всем все приелось. Так подумать, где они могли быть – немного вариантов: срывали грецкие орехи в надежде, что те созреют уже дома; играли в карты в каком-нибудь корпусе или развалившись на траве за одним из них; крайний и самый неправдоподобный вариант – рванули на арбузное поле.

Все это сейчас было неважно. По крайней мере, для меня. Я уже прекрасно понимала, что мне не удастся очаровать ни одного из них. А ведь когда я ехала в этот лагерь, то воображала, как в кого-нибудь влюблюсь. И даже позволяла себе помечтать, что кто-нибудь – ну хоть кто-нибудь! – влюбится в меня. За всю мою жизнь в меня влюблялся мальчишка всего один раз: в детском садике. Звали его Стас. Был он ужасно толстым, с молочной кожей и бледными глазами. Он все таскался за мной по пятам и повторял, что, когда вырастет, женится на мне.

Я пошла к карусели – «гигантским шагам». Даже и она стояла без дела. Да что там, весь лагерь словно вымер. Уцепившись за палку, смиренно висящую на толстой веревке, словно поджидающую именно меня, я пошла по кругу, разгоняясь все быстрее и быстрее. Наконец мои ноги оторвались от земли, и я полетела. Карусель время от времени едва слышно скрипела, а я наматывала круг за кругом, изредка отталкиваясь от земли. Я будто перепрыгивала – нет, перелетала! – через глубокие пропасти.

Не сразу заметила, что к карусели подошел Денис и присел на корточки, наблюдая за моим полетом. Когда я остановилась, предоставляя ему возможность полетать в свой черед, он покачал головой:

– Да не, ты качайся. У меня от такой голова кружится...

Но вообще-то я и сама уже накачалась. Трава на футбольном поле была выжженная солнцем и вытоптанная. Бело-желтая солома. Я присела на нее рядом с Денисом, справляясь с головокружением.

– Ты чего здесь совсем одна? – спросил Денис. – А подружки где?

– Ты про Наташку? – ляпнула я и тут же пожалела: Денис покраснел и опустил голову. – Ты тоже один. – Я не знала, что сказать, чтобы сгладить неловкость. Наверное, нужно было как-то перевести разговор на другую тему, но я тогда не была еще знакома с такими тонкостями человеческого общения – была толстокожа, как бегемот, и излишне прямолинейна.

– Парни за арбузами рванули, – признался Денис. – А я утром натаскался, что-то больше не хочется.

– Я так и думала, – кивнула я. И мы замолчали. Разговор не клеился. Вообще ничего не клеилось в этом лагере. От послеполуденной жары воздух на поле словно шел легкими волнами. Да и само солнце, казалось, чуть-чуть покачивалось в небе, будто секундная стрелка часов с почти севшей батареейкой.

Вдалеке, на другом конце поля, из сливового сада вышла тоненькая фигурка и быстрым шагом направилась в сторону корпусов. Спустя секунды вслед за ней появилась другая и направилась к нам. Я уже знала, что за этим последует: рассказ о любовных приключениях в гуще деревьев.

Однако приблизившийся к нам Костик, увидев Дениса, сбавил скорость и подошел к нам совсем расслабленной походкой. Его худые руки широко взлетали при каждом шаге, словно ему не хватало воздуха, и он старался загрести его как можно больше.

О своих подвигах он нам рассказывать не стал. Окинув нас, по-прежнему сидящих на траве, с высоты своего роста оценивающим взглядом, он, видимо, решил, что мы неподходящие кандидатуры. Вместо этого, чуть прищурившись, спросил:

– А где все?

– За арбузами погнали, – ответил Денис.

– М-да... – Костик неожиданно присел рядом с нами на траву. – Жадничать среди такого изобилия – это, друзья мои, нонсенс. – Он улегся прямо на траву, подложив руки под голову. – Скажу больше: это кошунство. – Он слегка поменял позу, лег на бок, опершись головой на согнутую руку, чтобы солнце не било в глаза. – «Скупого рыцаря» проходили? – Не дожидаясь нашего ответа, заключил: – Вот это оно самое и есть.

– Наверное, они считают, что заслужили... – предположила я.

– Кто? – Костик посмотрел на меня. Его ресницы были белесыми, отчего казались заиндевевшими. – А... ты о наших... Да не, я имею в виду работников лагеря. Мне-то, собственно, по фигу, меня сюда отчим сбаврил. Уже которое лето здесь загораю. Это чтобы я без дела не шлялся. Так вот, я об этих арбузах столько мечтал, что в конце концов устал мечтать и перестал. Так с любой мечтой. Если мечту не подкармливать время от времени сладким сочным кусочком – она просто умирает от голода.

– Ты мечтал об арбузах? – я вскинула брови, не поверив.

– Слишком приземленно? – он усмехнулся. – Любой ребенок летом мечтает полакомиться арбузом. Скажешь, не так? Так вот, мне не покупали арбузы. Не покупали и не покупают. Когда я был помладше, мы с друзьями ждали, спрятавшись за грудой ящиков на заднем дворе продуктового магазина. Потом приезжал грузовик, рабочие разгружали арбузы, а мы все ждали... и вот когда какой-нибудь переспелый арбуз случайно падал из рук грузчика на землю, это была наша добыча. Мы ждали конца разгрузки, подбирали с земли раскрошенные остатки арбуза и ели... Приземленно, – покачал он головой, в голосе его звучала горечь. – Ну конечно. Вы-то, девчонки, все о звездах мечтаете... Ну так за чем же дело стало? – Он замолчал на мгновение, затем продолжил с легкой усмешкой: – Вон тут на днях как раз зеленые человечки прилетали – попросилась бы к ним на корабль, и – адью! Через тернии к звездам. Через арбузы то есть...

– Кто-то и через сливы, – осторожно намекнула я, он снова посмотрел на меня, на этот раз более внимательно, так что я не выдержала и опустила взгляд.

– Ты что, тоже видел? – вдруг спросил Денис, не уловивший между нами напряжения.

– Пришельца-то? Ну видел. Так они сюда часто прилетают. Место, видимо, такое, особенное, – лениво ответил Костик.

– А ты разве тоже видел? – спросила я, в свою очередь, Дениса, вспомнив, как его в тот вечер увела спать его мама.

– Ну, да... Проснулся вечером – все спать ложатся, а мне расхотелось. Вышел воздухом подышать, ну и увидел.

– Здесь? – уточнила я.

– А ты где-то еще видела? – недоверчиво спросил Костик. – Здесь им самое место. Летная площадка, хе-хе, видишь, трава какая...

– Обычная трава... Для футбольного поля.

– Ой, да ладно, – Костик приподнялся. – Ты же сама его видела. Видела?

– Ну вроде бы видела, – вяло ответила я. Честно говоря, я уже не вполне была уверена в этом. Ну, мало ли, а вдруг он мне всего лишь приснился...

– Пф, – фыркнул Костик. – Короче, собираемся здесь вечером. Когда все заснут.

– Зачем? – тупо спросила я.

– Затем, Фома Неверующая, – усмехнулся Костик. – На пришьельца полюбуемся. Уезжать же когда-нибудь придется? А тут скукотища. А так – хоть какое-то яркое воспоминание у тебя будет. Ты с нами? – спросил он Дениса, видимо, убежденный, что я согласна.

Денис кивнул. Я поджала губы. Я вовсе даже не была уверена, что хочу болтаться ночью по безлюдному лагерю, да еще и с таким сомнительным типом, как этот Костик. Мало ли, чего он от меня на самом деле хочет. Вон и Наташка с ним в сливовый сад ходила – может, тоже ей пришьельца показать обещал...

И вообще, как может человек мечтать об арбузах? Что это за бред такой? Ну я, допустим, о звездах не мечтаю, да и вообще не знаю никого, кто бы мечтал о звездах. Как и об арбузах.

«О звездах, сказал же, – думала я, возвращаясь в корпус и все более раздражаясь, – как можно мечтать о звездах? Что это может означать? Разве хоть один нормальный человек может мечтать даже хотя бы об одной звезде?»

Я мечтаю, чтобы у меня была во-о-он та звезда, угу.

Может быть, он хотел сказать: мечтаешь, глядя на звезды? Но он ведь провел аналогию со своей мечтой! Вряд ли он о чем-то мечтает, глядя на арбузы. Разве что несколько пополнеть, ха, это ему не мешало бы.

В таких злых мыслях я и вернулась в корпус. И тут же об этом пожалела. Не о злых мыслях пожалела, а о том, что вернулась в корпус. Там все было как не надо: Наташка опять демонстрировала, как она целовалась и обнималась с парнем – не уточняя, кстати, с кем именно.

Теперь я была зла не только на Костика, но и на Наташку. Да и на Дениса тоже. Ну и троица подобралась!.. Во-первых, мне непонятно было, что Денис нашел в Наташке. Даже если допустить, что он понятия не имел, что Наташка пользуется такой – скажем прямо – сомнительной популярностью. Даже если так.

Я посмотрела в сторону Наташки. Девчонки смущенно старались поддерживать ее, улыбаясь и подхихикивая. А она кривлялась так, что дай бог каждой актрисе такую раскованность! Она лежала на кровати на животе, обхватив себя руками, и издавала такие звуки, будто... ну не знаю... будто лапшу в себя всасывала.

И это было отвратительно. Не то, что она пыталась изобразить, а то, что она в принципе это изображала. И не только я это чувствовала. Не знаю, сообщила ли она всем остальным, с кем она целовалась на этот раз, но всем находящимся в корпусе девчонкам явно было так же неловко, как и мне.

В общем, как я вошла в наш корпус, так из него и вышла. Стремительно и озлобленно. Справедливости ради надо признаться, что в этот вечер я впервые за всю смену пропустила ужин. Чувство озлобленности на всех и вся пересилило во мне чувство голода.

Я сидела недалеко от футбольного поля под раскидистым миндальным деревом. У меня не было опасений, что кто-то потревожит мое одиночество: плоды на дереве уже созрели, однако желающих полакомиться ими не было – они оказались горькими. Зато мне отсюда, из-

под дерева, было прекрасно видно все поле. Так что появление на нем хоть Костика, хоть пришельца я бы не пропустила.

Я сидела в засаде и вдруг поняла, что со стороны смотрюсь так же, как Костик, когда он охотился за арбузами на задворках магазина. Мне еще только баррикады из ящиков не хватает для полноты картины. И потом, я как-то упустила из виду, что, когда все уже будут в своих кроватях, мое отсутствие заметят и меня хватятся. И тогда – прощай, возможность приключения.

Так что я подскочила и торопливо пошла в корпус. Вышедшие из-за деревянных уличных туалетов ребята посмотрели на меня с удивлением: в это время все уже были в своих корпусах, и только отчаянные тусовщики прятались в сумерках от вожатых. Ни Костика, ни Дениса я среди парней не заметила.

Когда я вошла в наш корпус, все уже укладывались и даже не обратили внимания на мое появление – благо моя койка стояла ближе всех к двери. То есть не обратили бы, если бы не Наташка. Она посмотрела пристально на меня, раскрасневшуюся от быстрой ходьбы, и с подозрением спросила:

– Где это ты по ночам шарисься?

– Гуляла, – ответила я как можно непосредственной.

– Одна? – подчеркнула Наташа.

– Нет, вдвоем, – ответила я. С удовлетворением отметив, что Наташка выпучила от изумления глаза и все затаили дыхание, я веско закончила в полной тишине: – С тенью.

Кто-то хмыкнул, тотчас зашуршали простыни, заскрипели койки. Можно было подумать, что все только что проснулись, а вовсе даже не готовились ко сну. Среди воцарившегося оживления громко прозвучал вопрос Наташи, не желавшей так запросто сдавать свои позиции:

– Денис и за тобой теперь таскается, как тень? – Она откинула со лба густую черную челку и смотрела на меня в упор вызывающе, самоуверенно. А у меня, как обычно в таких случаях, пропал дар речи. Надо было, конечно, ответить ей хоть что-нибудь. Ну, пусть не слишком остроумное и колкое, но хоть что-то.

Однако пока я перебирала в голове варианты ответов, момент был упущен. Все улеглись, свет в корпусе погасили, и постепенно на лагерь снизошел сон. Я не спала. Я терпеливо выжидала, когда у последней из ворочающихся девчонок выровняется дыхание.

В моем городе даже по ночам никогда не бывает абсолютной тишины. То машина проедет, то вдаль пронесется электричка или скорый поезд. Кстати, вот, замечал ли кто из вас, что далекий звук электрички в ночной тишине звучит как гудение комара? Но это бы ладно, подумаешь, комар. Когда за стеной неожиданно на несколько минут включали дрель – вот это да. Или, что намного чаще, скандалили соседи...

Так вот в лагере абсолютной тишины тоже не было. А я ведь за целый месяц даже не заметила этого. Потому что слишком крепко спала. Засыпала вместе со всеми и спала вплоть до утренней побудки. И я не о сопении и даже всхрапах девчонок сквозь сон сейчас говорю – вместе с ночью в мир пришли особые, ночные звуки и особый, призрачный свет.

Я приподнялась на постели и осмотрелась: комната застыла безо всякого движения. Луна заливала ее голубоватым светом, так что все предметы в комнате: кровати, их спинки, вещи, висящие на них, тумбочки – все казалось завалено снегом. Такой контраст с дневной жарой будоражил воображение.

Хотелось пройтись вдоль кроватей и, своими руками прикоснувшись к каждой вещи, убедиться, что это, к примеру, вся та же спинка кровати со сваленными на нее в три слоя вещами, а не сугроб, что лица спящих не покрыты тонким слоем льда, что стены не заиндевели.

Я взяла себя в руки, справилась с обуявшими меня фантазиями, натянула шорты и вышла из корпуса. Дверь, правда, слегка скрипнула, когда я ее прикрывала, но я не волновалась: я слышала, что та фаза сна у спящих людей, когда дыхание ровное, когда они заснули навер-

няка, – обычно самая крепкая и продолжительная. Значит, вряд ли меня кто-то хватится после ухода.

Но не успела я сделать и десяти шагов, как меня окликнули:

– Ты в туалет?

Я обернулась с досадой: это была Лена.

– Я с тобой! – заявила она и засеменила рядом.

Теперь с ее легкого решения мы шли в туалет.

– Я думала, все спят, – стараясь скрыть раздражение, заметила я.

– Я тоже так думала, – просто ответила Лена. – А потом вдруг ты встала и вышла. Это ты очень кстати сделала – я бы одна побоялась идти.

– Чего здесь бояться, – проворчала я.

Мы направлялись как раз туда, куда мне бы не хотелось, а именно – к карусели, возле которой, вполне вероятно, меня ждали Костик с Денисом. А ведь я-то планировала понаблюдать за ними незаметно, со стороны...

– Цикады... – между тем рассуждала Лена. – Я уже слышала их раньше, когда мы на море с родителями ездили. Но там они, между прочим, свои трели издавали в теплое время дня. А тут – ночью. Хм, забавно. Можно предположить, что они приспособились стрекотать в сумерки, чтобы от кого-то прятаться. В темноте.

– Прятаться в темноте? – автоматически повторила я.

– Ну да. Ты их днем здесь слышала? Я – нет. А сейчас – послушай!

Она наконец замолчала, нам как раз оставалось дойти какие-то жалкие метры до туалета, двигаясь по тропинке, лежащей параллельно футбольному полю и отделенной от него деревьями. И мы уже почти миновали карусель, как вдруг Лене вновь приспичило проявить свою эрудицию:

– А вот южноамериканская цикада стрекочет, как паровоз! Свист такой издает, как свисток паровоза, представляешь?... У некоторых видов цикад личинки живут семнадцать лет! Семнадцать! В земле, в полной неподвижности! Это потрясающе!

– Что же тут такого потрясающего? – буркнула я, силясь разглядеть в просветы между деревьями, есть ли кто на поле.

– Ну как же?! – возмутилась Лена. – Семнадцать лет провести в неподвижности только ради того, что потом прожить полноценной жизнью пять недель. Семнадцать лет – ради пяти недель! В Китае, между прочим, цикада из-за этого считается символом долголетия, вечной молодости и даже бессмертия.

– Бессмертия... – повторила я.

– Бессмертия... – эхом повторил кто-то за мной из кустов.

Лена взвизгнула и шарахнулась прочь. Я замерла.

– Прикольно, – из кустов вышел Костик, следом за ним Денис. – Не только сама пришла, но и хвост привела. Такой жирный умный хвост, – весело сказал он.

– Это лучше, чем быть дистрофичным тупым... хвостом, – проговорила Лена. Видимо, она быстро справилась со своим испугом и вернулась за мной.

Костик проигнорировал ее слова и вновь обратился ко мне:

– А мы уже думали, ты не придешь.

– Ну да, – Денис подошел поближе. – Проспишь...

– Или струсишь, – добавил Костик. – Ладно, пошли. А то упустим его.

Я оглянулась в сторону Лены – ее не было видно в темноте. И не ясно было, вернулась она в корпус или наблюдает за нами издалека. Позвать ее я не решилась, вдруг бы мой крик еще пол-лагеря перебудил. Да и что бы я крикнула: «Лена, пойдем с нами на пришельца смотреть»?

Протиснувшись сквозь колючие ветки, рискуя выколоть глаза и расцарапать лицо, мы оказались на поле. Совершенно пустое поле. Я разочарованно посмотрела вдаль: в темноте

сливовые деревья выглядели ниже, чем были на самом деле, будто на корточки присели, – если бы деревья могли это сделать.

Зато моя любимая карусель смотрелась зловеще, словно виселица. Чтобы развеять свой страх, я подошла к ней поближе, прикоснулась к безжизненно висящей перекладине.

– Решила покачаться? – раздался голос Костика совсем рядом со мной, я вздрогнула. – А что? Тема! – он взялся за перекладину вместо меня, я торопливо отошла на безопасное расстояние.

Карусель слегка закрипела, и Костик полетел по кругу. С его длинными ногами быстро разогнаться не составляло труда. Я подумала, что Костик и сам похож на эту карусель – нескладный, тощий, высокий, и руки у него – как веревки, и кисти – как перекладины.

Я представила себе Костика, вертящегося на одном месте с прицепившимися к нему детишками, и невольно заулыбалась. Вот говорят некоторым острякам: «Тебе бы в цирке клоуном работать!» Костика можно было бы предложить работать на аттракционах каруселью. Или он обидится?

Пока я решала, достаточно ли безобидную остроуту придумала, Костик уже закончил качаться и подошел к нам.

– Ну что, готовы к встрече с непознанным?

– А ты что, его сейчас вызывать будешь? Как шаман? – скептически спросила я.

– Шаманы вызывали духов, – раздалось за моей спиной, я аж подпрыгнула. Сердце в груди заколотилось как бешеное.

Это была все та же всезнающая Лена. Она стояла, уперев руки в бока, – ни дать ни взять хозяйка на пороге своего жилища, недобрый взглядом окидывающая незваных гостей.

– Он же не собачка, чтобы на свист прилетать, – Костя уселся на траву. – Надо будет – сам прилетит. Да вы присаживайтесь, – Костя широким жестом указал на траву.

Мы послушно уселись рядом с ним. И сидели так довольно долгое время, однако ничего не происходило.

– Ну и где твой пришелец? – недовольно спросила Лена у Костика.

– Да... – быстро согласился Костик. – Что-то он сегодня припозднился. Вы, это... вы тут посидите чуток, я в туалет сгоняю, – он быстро подскочил и направился в сторону туалета, стремительно поглощаемый ночной мглой.

– Может, спать уже пойдем? – неуверенно предложила я.

– Да погоди, – неожиданно попросил Денис и почему-то добавил: – Вот-вот самое интересное начнется...

Я осталась сидеть где сидела. Лена недовольно пыхтела рядом со мной. Видимо, ей тоже уже надоели эти посиделки. Костик долго не возвращался. Я даже в какой-то момент забеспокоилась: а вдруг он провалился в туалет? Ну а что, такой худющий – оступился в темноте и провалился...

И тут Денис громко заявил:

– Вон он!

– Кто? – озадаченно спросила я.

– Пришелец! – буркнул Денис и показал мне в сторону сливовой рощи.

Я пригляделась. С той стороны футбольного поля по направлению к нам и правда медленно приближалась высокая худая фигура с большой угловатой головой. Я так испугалась, что мне показалось, у меня ноги отнялись. Поэтому, когда между нами оставалось каких-то метров пятнадцать-двадцать, я с трудом поднялась на ватных ногах, едва Денис воскликнул:

– Черт! Он нас засек! Бежим!

Денис побежал, и я тоже побежала вслед за ним в сторону корпусов. Когда мы, запыхавшись, остановились, Денис спросил:

– А подружка твоя где?

Я только теперь заметила, что Лены с нами нет. Видимо, она решила остаться и вступить с пришельцем в контакт.

– Там осталась, – прошептала я.

– Дура, – простонал Денис. – Ну и что теперь делать? За ней идти?

– А что он с ней может сделать? – спросила я.

– Мозг высосет, – мрачно сказал Денис. – Им как раз таких умных там не хватает.

В темноте показалась стремительно движущаяся в нашу сторону тень. Мы спрятались за деревом, прижавшись друг к другу.

– Думаешь, это он? – прошептала я.

– Ш-ш-ш! – шикнул на меня Денис.

Тень приближалась к нашему дереву. Я слышала потрескивание сухих веточек и тяжелое дыхание.

– Я видела, куда вы спрятались! – раздался обиженный голос Лены.

Она подошла к нам, окинула взглядом и удалилась в корпус. В темноте скрипнула и громко хлопнула дверь. Я стояла в полной растерянности.

– Помнишь фильм «Чужие»? – неожиданно таинственно сказал Денис. – Может, они ей зародыш внутрь подсадили?

– Класс! – прошептала я. – И куда мне теперь идти?

– Не знаю, куда тебе, а я лично – спать, – Денис громко зевнул, потоптался на месте, затем нерешительно сказал мне: – Да ты не бойся. Если и подсадили, еще же время должно пройти, пока он там у нее внутри вырастет, чтобы вылупиться... – и он поплелся в сторону своего корпуса.

Я проводила его взглядом, а затем уселась на траву напротив нашей двери с железной решимостью просидеть так до утра. Но сон сморил. Я начала клевать носом и к тому же замерзать. Подойдя к двери, я осторожно приоткрыла ее и заглянула внутрь: комната дыхла на меня убаюкивающим теплом.

Глава 3

На другой день я проснулась одной из последних в комнате, умудрившись проспять даже стук в дверь нашей вожатой, всегда служивший будильником. Что уж говорить о том, что меня не сумел разбудить ни гул голосов, царящий в помещении, ни шорох одежды, ни скрип пружин кроватей.

Едва я разлепила веки, я принялась искося следить за Леной. Однако та даже не смотрела в мою сторону. Она уже была одета в свои спортивные штаны и белую футболку и теперь с маниакальным старанием застилала кровать, расправляя на покрывале каждую складочку, натягивая его на постели, словно тент.

Комната быстро пустела – девочки покидали ее парами и по одиночке, торопясь на завтрак. Одна лишь Лена, казалось, никуда не спешила. Заправив кровать, она присела на стул рядом со своей тумбочкой и принялась расставлять на ней предметы, которые и до того вроде бы были в идеальном порядке: поменяв местами мыльницу с зубной пастой и щеткой, она присела на корточки перед тумбочкой, видимо, вознамерившись навести порядок внутри нее среди вещей.

Я торопливо оделась и судорожно заправила кровать, не желая оставаться с Леной наедине. Теперь, после вчерашних событий, мне казалось, что Лена за ночь еще больше расплнела. Я не могла избавиться от мысли, что внутри нее растет зародыш инопланетного чудовища.

Понимая, что уже опаздываю на завтрак, я схватила щетку с зубной пастой, рассчитывая умыться по дороге в столовую, и кинулась к двери, однако на самом пороге услышала позади себя требовательный оклик Лены:

– Оля!

Я вылетела из комнаты, не оглядываясь, и с перепугу громко хлопнула дверью. Несмотря на то что утро выдалось свежим, в столовую я вбежала покрытая потом. Почувствовав себя в относительной безопасности, я вытерла зажатым в руке полотенцем пот со лба и только тогда сообразила, что забыла умыться.

Но делать было нечего, пришлось позавтракать с нечищеными зубами. Отыскав свободное место, я с отвращением увидела в тарелке манную кашу. Это был уже перебор. День явно не задался. Пришлось довольствоваться куском черного хлеба с двумя кусочками сливочного масла и чаем.

Когда я уже заканчивала свою нехитрую трапезу, в столовую вошла Лена. Я вся внутренне съежилась, когда та медленно прошла мимо меня. Уж не знаю, чего я ожидала: что она накинется на меня со спины или что плюхнет передо мной на стол и из ее груди вырвется мерзкое чудовище... Но она всего лишь прошла мимо и даже не присела на уже освободившееся место рядом со мной.

Выйдя из столовой, я увидела мнущегося чуть в стороне Дениса. Обменявшись с ним взглядами, я коротко кивнула, не сообразив, что он дожидается меня, и пошла в сторону нашего корпуса, чтобы положить на место зубную пасту с щеткой и полотенце, прежде чем нас отправят на сбор урожая. Денис быстро догнал меня и, подстроившись под мой нервный шаг, участливо спросил:

– Ты чего такая бледная? Тоже отравилась?

– Нет, – удивленно ответила я. – А кто отравился?

– Двое парней из нашего корпуса, – нарочито небрежно ответил Денис и насмешливо добавил, явно повторяя за кем-то шутку: – Они арбузами нынче объелись – и у них животы разболелись.

– Очень смешно, – с упреком сказала я и ускорила шаг.

Денис отстал, но у нашего корпуса вновь догнал меня и с любопытством спросил, понизив голос:

– Ну как она?

– Кто? – недоуменно спросила я, остановившись. – Наташка?

Денис густо покраснел и посмотрел на меня исподлобья, а я не знала, что ему ответить. Мне как-то претило становиться доверенным лицом между ним и его возлюбленной, тем более что она-то, насколько я понимала, отнюдь не питала к нему пламенных чувств.

– Лена... – выдавил из себя Денис. – Меня Костик отправил спросить, как она себя ведет после вчерашнего...

Я опешила. Настала моя очередь покраснеть. Солнце постепенно начинало припекать, и я часто замахала на себя ладонью, делая вид, что мне очень жарко. Денис молча, испытующе смотрел на меня в ожидании ответа. Я проводила взглядом двух девочек из другого корпуса, прошедших рядом с нами и окинувших нас полными назойливого любопытства взглядами.

– Э... ну... – я пыталась собраться с мыслями и наконец выдала свое наблюдение: – Мне кажется, она нарочно пыталась сегодня остаться в корпусе со мной один на один.

– Ого! – вырвалось у Дениса, глаза его загорелись, и он нетерпеливо спросил: – Она к тебе подходила? Говорила с тобой?

– Нет... Но когда я выходила из корпуса, она меня окликнула, – ответила я.

– А ты? – живо спросил Денис.

– А я... торопилась на завтрак и не стала с ней разговаривать. Некогда было, – неумело соврала я, не решившись признаться в своей трусости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.